

ЧИСТИЛИЩЕ

ПРОЕКТ СЕРГЕЯ ТАРМАШЕВА
«ЧИСТИЛИЩЕ»

СЕРГЕЙ ТАРМАШЕВ
«ЧИСТИЛИЩЕ»

ИГОРЬ ПРОНИН
«ЧИСТИЛИЩЕ. ИСХОД»
«ЧИСТИЛИЩЕ. ПОБЕГ»

АЛЕКСАНДР ЗОЛОТЬКО
«ЧИСТИЛИЩЕ. ЯНЫЧАР»

АЛЕКСАНДР ТОКУНОВ
«ЧИСТИЛИЩЕ. ДАР УЧИТЕЛЕЙ»
«ЧИСТИЛИЩЕ. ЗАБЫТЫЕ УЧИТЕЛЯ»

ДМИТРИЙ ЯНКОВСКИЙ
«ЧИСТИЛИЩЕ. ГРАНЬ»
«ЧИСТИЛИЩЕ. БРОСОК ОБРЕЧЕННЫХ»

МИХАИЛ КЛИКИН
«ЧИСТИЛИЩЕ. ТУРИСТ»
«ЧИСТИЛИЩЕ. ОХОТНИК»

ВИКТОР ГЛУМОВ
«ЧИСТИЛИЩЕ. ЖИВОЙ»
«ЧИСТИЛИЩЕ. ОПЕРАЦИЯ “ПРИЗРАК”»

Михаил Кликин

ЧИСТИЛИЩЕ ОХОТНИК

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К49

Любое использование материала данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Чистилище» издается с 2014 года

Идея проекта — *Сергей Тармашев*

Художник — *Андрей Липаев*

Серийное оформление — *Николай Ковалев*

Компьютерный дизайн — *Константин Парсаданян*

Кликин, Михаил Геннадьевич.

К49 Чистилище. Охотник : [фантастический роман] / Михаил
Кликин. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Чи-
стилище. Проект Сергея Тармашева).

ISBN 978-5-17-091912-3

На рубеже тысячелетий люди верили в самые невероятные природные катаклизмы, способные угрожать всему живому на планете. Однако катастрофа, уничтожившая человеческую цивилизацию, оказалась рукотворной. Страшный вирус, вырвавшийся из военных лабораторий, убил большую часть человечества, а остальных превратил в кровожадных безумцев. Мир превратился в постапокалиптическую пустыню, в которой с трудом выживают немногочисленные здоровые люди.

Племя зараженных, живущее на побережье холодного северного моря, ежегодно приносит кровавые жертвы Ламии, огромному матерому мутанту, обитающему в окрестностях. В этот раз ритуалу мешают чужаки — чистые, путешествующие на подводной лодке. Когда в столкновении чистых с зараженными проливается первая кровь, ситуация быстро выходит из-под контроля — и еще больше ее осложняет разъяренная и голодная Ламия, уничтожающая на своем пути всё живое...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© С. Тармашев, 2015

© М. Кликин, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-091912-3

Издательство благодарит Сергея Тармашева за предоставленное разрешение использовать название серии, а также уникальные мир и сюжет, созданные им в романе «Чистилище».

Другие произведения, написанные российскими фантастами для межавторского цикла, являются их историями, Сергей Тармашев не является соавтором этих романов и не читает их. Создатель «Чистилища» дал литераторам полную свободу, разрешив войти в мир проекта, но сам он несет ответственность только за собственную книгу.

1

Собаки лаяли всю ночь — чувствовали скорую большую охоту. Иван, просыпаясь, прислушивался к их тьявканью, угадывал знакомые голоса и, успокоившись, опять засыпал. Если бы к деревне подошли мутанты или если бы кто-то из общины обратился в эту ночь, то лай стал бы другим — рваным, злым, испуганным.

Примерно через час после восхода солнца он в очередной раз проснулся и долго лежал на спине, через дыру в потолке наблюдая, как постепенно светлеет небо. В чуме было прохладно, но если бы не гнус, то Иван так и лежал бы под теплыми шкурами, слушая звуки оживающей деревни. Однако комары и мошка вились над лицом, лезли в рот и нос. Пришлось покинуть лежанку, отвязываясь от центрального столба и разводить огонь в очаге.

Едкий дым, поднимающийся к открытому макодаси, выгнал гнус. Позёвывая, Иван повесил над огнем закопченный чайник, в котором еще с вечера была запасена вода, забросил в него брусничный лист и сушеные ягоды. Перекусил вяленой рыбой, привычно проверил оружие. И откинул полог, чтобы соседи могли видеть, что он проснулся человеком и уже готов принять гостей.

Два дня тому назад Ивану исполнилось ровно двадцать лет. Все его сверстники давно женились, у многих уже были дети, а Иван всё никак не мог устроить личную жизнь, хотя женихом он был завидным — прямой потомок Рыбниковых, богатырь и силач, удачливый охотник. Члены Совета ворчали недовольно, пеняли ему, что пора бы остепениться, обзавестись семьей. Не будь он Рыбниковым, его давно женили бы на какой-нибудь непристроенной благородной молодежи — вон у Шароновых как раз две девчонки подросли, а род их давно на хорошем счету, одиннадцать долгожителей в семье и всего один выродок, мутировавший в семнадцать лет, но, всем на счастье, не успевший оставить потомства.

— Не спишь, Ваня? — В чум, присев перед низким входом, заглянула Тая Зосимова.

— Не сплю, — отозвался Иван, торопливо приглаживая волосы ладонью. — Давно встал. Собаки всю ночь лаяли, мешали.

— Волнуются, — сказала девушка. — Можно я зайду?

— Конечно.

Иван встретил гостью, пожал ей руки, хотел поцеловать в губы, но она отвернулась, сильно покраснев, и он неловко чмокнул её в щеку.

— Опять? — спросил он, сразу поняв, в чем дело.

— Опять... — Она понурилась, села на шкуру росомахи, скрестив ноги. — Сестра вчера узнала, что мы твой день рождения вместе праздновали.

— Ругала?

— За волосы оттаскала.

— Я её прибыю! — Иван схватился за палку, которой обычно отгонял собак.

— Не надо... Она же добра мне хочет... Да ты и сам всё понимаешь...

Иван обнял девушку. Она крепко прижалась к нему, дрожа. Потом отстранилась, внимательно посмотрела ему в глаза и твердо сказала:

— Я не могу так больше!

— Я тоже, — тут же ответил он, не давая ей возможность закончить приготовленную речь. — Сегодня же скажу Совету, что мы женимся!

— Нет! — Тая испугалась — даже голос зазвенел. — Совет будет против!

— Плевать на Совет!

— Ты испортишь свой род!

— Мне всё равно!

— А как же Кодекс?.. Нет, нет, так нельзя! Мы не можем!

— Можем!

— Зря я пришла! — Тая заплакала, закрыв лицо ладонями. Иван попытался приблизиться к ней, но она отпрыгнула, затрясла головой:

— Не надо, не подходи... Я просто хотела... Попрошаться... Я должна была сказать тебе, что всё кончено... Мы не должны больше видеться... Я так решила!

— Но... — Иван растерялся. — Как же так...

Тая попыталась сказать что-то еще, но не смогла — рвущиеся рыдания лишили её голоса. Она опять тряхнула головой и, резко повернувшись, выбежала наружу.

Потрясённый Иван привалился плечом к столбу.

В чайнике закипела вода.

2

Этим утром вся деревня поднялась рано. Такое случилось нечасто — готовящиеся к ночному дежурству карательные обычно спали до обеда, да и свободные охотники,

не занятые по хозяйству, любили поваляться в постелях, набираясь сил. Первыми обычно вставали женщины — у них всегда были дела. Потом просыпались дети — им нужно было спешить в школу. Мужчины поднимались к завтраку.

Но только не сегодня.

Солнце только-только начало пригревать, а деревня уже гудела, словно растревоженный пчелиный рой. Женщины суетились, разрываясь между повседневными делами и желанием побыть рядом со своими мужьями, уходящими в поход. Мальчишки бесились, радуясь отмене школьных занятий. Привязанные к шестам собаки весело тявкали, скулили от нетерпения. Подростки и мужчины собирались группами, озабоченно обсуждали что-то, посматривали по сторонам. И даже караульные, не боясь наказания, ненадолго покидали свои посты, чтобы узнать новости...

Семнадцатилетний низкород Федька Гуров спешил на деревенскую площадь, когда его окликнул девичий голос. Он встал, не понимая, кто его зовет, закрутил головой, увидел стоящую за поленницей Таю Зосимову и улыбнулся ей:

— Привет!

Девушка выглядела сильно расстроенной. Федьке это не понравилось — Тая дружила с его сестрой, да и вообще она была хорошая, а Федька не любил, когда хорошие люди расстраиваются.

— Ты это чего это, Тайка? — неуверенно спросил он. — Тебя, что ли, обидел кто?

Она помотала головой. Спросила:

— Ты на охоту?

— Ну да. — Он широко улыбнулся, похлопал ладонью по тесаку, висящему у бедра, показал лук без тетивы

и тугой мешочек с походной мазью — всё как у бывшего охотника. Федька был страшно горд, что его включили в группу, где шесть человек из восьми были благородами. А всё, наверное, из-за того, что по весне он в одиночку завалил медведя!

Тая подошла к нему ближе, и Федька аж залюбовался ею. Конечно, она была чуть старше его, но это ему даже нравилось. Он потянул ноздрями воздух — пахла девушка очень приятно, притягательно. Почему он раньше не обращал на это внимания? Они же все время жили рядом, соседями были, в гости друг к другу ходили, в одни игры играли... Может, дело в том, что сейчас Тая смотрит на него как-то странно?

— Ты, это... — Федька отчего-то заволновался. — Чего хотела-то?

Она отвела глаза. Сказала негромко:

— Вернешься с охоты, узнаешь.

И вдруг подалась к нему, чмокнула в губы, сунула в руку что-то мягкое, теплое.

Он отшатнулся, моргая, чуть не упал.

А Тая скользнула в тень и исчезла за поленницей.

Федька, не понимая, что это сейчас такое тут произошло, поднял руку, разжал пальцы. На его ладони лежала заячья лапка.

— Ты чего встал столбом? — Его сильно толкнули в спину. Он повернулся.

Долговязый, похожий на журавля Вова Самарский стоял и, ухмыляясь, открыто пялился на заячью лапку.

— Никак свадьба скоро? — сказал он и поправил висящий за спиной автомат — Вова был охотник опытный, и лет ему уже исполнилось почти двадцать шесть, так что огнестрельное оружие он носил по праву, о чем низкород Федька мог только мечтать.

— Значит, Тайка к тебе переметнулась, — Вова понимающе покачал головой. — Ну и правильно. Жаль только, что детей у вас не будет.

— А может, будет, — возмутился Федька, пряча лапку в карман. Он мог бы выбросить её сейчас, и это означало бы, что он отверг ухаживание девушки. Заячью лапку юные красавицы дарили избранникам, чтобы заявить о симпатии. — Может, я еще лет восемь проживу. И Тая. Тогда Совет разрешит нам родить ребенка.

— Да ты, я гляжу, всерьез на ней жениться удумал... — Вова посерьезнел, глаза его сделались колючими. Он был семьянин с опытом, у него скоро должен был появиться внук — а до внуков в общине доживали немногие. — Ты только не вздумай об этом Ивану Рыбникову заявить! Не хватало нам ваших разборок, да еще во время Большой Охоты... Понял меня? Запрещаю тебе про Таю говорить! Даже думать о ней забудь, пока домой не вернемся!

Федька понурился. Спорить он не мог — Вова мог запросто выгнать его из отряда. Но и сдаваться не хотелось.

— Ладно, — выдавил Федька, щупая в кармане теплую заячью лапку.

— Громче! — велел Вова.

— Ладно! Не буду!

— Значит, договорились, — резюмировал Вова, продолжая пристально разглядывать Федьку. — И помни: я за тобой слежу!

На деревенскую площадь они пришли вдвоем. После разговора Федька чувствовал себя скованным, присутствие Вовы тяготило его. А тот словно бы уже начал выполнять обещанное: постоянно держался рядом, косился на подопечного. Возможно, дело было не в Тае Зосимовой, а в том, что Федька впервые шел на Большую Охоту, и в группе он был новичком. Вова же считался

в команде вторым по старшинству — первым числился Максим Шуманов, ему исполнилось двадцать четыре года, и он с двадцати лет был членом Совета; а известен Максим был тем, что с двенадцатилетнего возраста не пропустил ни одной Большой Охоты, и о повадках Ламии знал больше остальных.

Когда в центре площади запылали костры, охотники оставили своих близких и сошлись, сформировав две команды. Одной предстояло отправиться на север, другой — на запад. Они и назывались соответственно — «северные» и «западные».

Федька немного замешкался, не зная, какое место занять в строю. Зеваки сразу заметили его метания, захотали.

— Справа от меня вставай, — велел ему Вова, поймав за рукав летней малицы и затаскивая в неровный строй. — Так рядом со мной и держись...

Жар от костров шел такой, что кожа на лице подпекалась. Федька терпел и, щурясь, разглядывал толпящихся вокруг земляков. В деревне сейчас жило без малого пять сотен человек, не считая младенцев, которые еще не умели ходить, — и почти все они сейчас собрались здесь.

К украшенному резьбой тотемному столбу вышел Борис Юдин — светловолосый голубоглазый здоровяк, Глава Совета и Первый Учитель. Он был единственный, кто видел живым Николая Рыбникова. Борис помнил, как создавалась община, как строилась деревня, как писался Кодекс. Он встретил уже тридцать пятое лето, что казалось немыслимым. У Бориса было три жены, двенадцать детей и восемь внуков. Он должен был мутировать лет десять тому назад, но почему-то оставался человеком. Поговаривали, что это всё из-за того, что именно он варит Коктейль, дышит его парами, пробует на вкус.

— Тихо! — прокричал Борис, вскинув руки над головой.

Ему пришлось трижды повторить свой призыв, прежде чем на площади установилась тишина.

Федька, стоя в строю охотников, наблюдал, как меняются лица людей: минуту назад все веселились, смеялись, а теперь даже маленькие дети сделались серьезными, вслушиваясь в раскатистый баритон Бориса.

— Много лет тому назад мы начали свой путь, — вещал тот. — Нам было открыто, что спасение надо искать на севере...

Борис поднял руку, обратив её ладонью к небу, — так было принято благодарить Степана Рыбникова, человека, который ценой собственной жизни спас многих людей и научил их существовать в изменившемся мире.

Жест Бориса повторили все. Федька тоже поднял руку и заставил себя забыть о скорой охоте, о неуютном постоянном надзоре Вовы Самарского и даже о Тае, о её внезапном поцелуе и заячьей лапке, лежащей в кармане. Федька должен был наполнить свое сердце и свой ум искренней и глубокой благодарностью к спасителю и его родным братьям — так предписывал Кодекс.

— Путь к очищению был трудным, и каждый призванный шел по нему в одиночестве, — продолжил традиционную речь Борис Юдин. Голос его сделался напевным. И уже многие слушатели, прикрыв глаза, повторяли вместе с ним заученные с детства слова:

— Мы воссоединились, пройдя долгой дорогой испытаний. Но путь к очищению только начался, и мы благодарны Степану за наставление. — Борис опять вскинул руку к небу. — Мы чтим Кодекс и следуем ему. Мы веруем в незримую защиту братьев Ивана и Николая...

Федька покосился на стоящего в строю Ивана Рыбникова — все знали, что его называли так в честь деда. В Кодексе было написано, что Иван Рыбников погиб, защищая свою семью, но его любовь и привязанность к жене и детям были так сильны, что дух его остался рядом с близкими, ободряя их и помогая в трудную минуту. Считалось, что дух Ивана и по сию пору оберегает Рыбниковых, а с ними и всю общину.

Тревожно зарокотали огромные деревянные барабаны, установленные в пяти шагах от тотемного столба. Две десятилетние девочки вынесли из большой расписной яранги покрытую резьбой бадью, в которой колыхалось горячее вязкое варево, похожее на кисель. За девочками важно вышагивал шестилетний мальчик, держа в руке большой черпак из бересты. Дети встали за спиной Бориса. Было заметно, что девочкам тяжело, но они не смели поставить бадью на землю.

Федька не на шутку разволновался. Ему всего однажды довелось пить Коктейль — как раз после того, как он убил медведя-шатуна. Но и тогда ему досталось чуть — всего-то ложка. Низгородам Коктейль подавали в исключительных случаях.

— Не жадничай, — шепнул Вова Самарский.

Федька не ответил. Ему казалось, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди — так сильно оно билось. Он уже представлял, как ему подносят полную чашу и он торопливо глотает сладковатое варево, пьет жадно — до дна, до дна! — крепко вцепившись в берестяную посудину, чтобы никто не отобрал...

Коктейль мог исправить Федькину жизнь. Коктейль мог дать ему несколько дополнительных лет жизни. Возможно даже, Коктейль мог сделать Федьку благородом, а уж если не его самого, то его детей. Коктейль сдерживал мутацию, не зря же Борис Юдин прожил тридцать

пять лет и, кажется, планирует прожить еще столько же. Уж у него в доме, наверное, Коктейль подают каждый день, а может и три раза на дню — вместо травяного чая.

— Успокойся, Федька, — строго велел Вова Самарский, почувствовав нервную дрожь соседа, видя его полубоморочное состояние. — Успокойся, а иначе мне придется выкинуть тебя из команды.

Эти слова отрезвили Федьку. Если его отстранят от Охоты, то и Коктейля он не получит. Ну, может, лизнет пару капель, когда остатками будут обносить остальных. Все деревня ведь не просто так сюда пришла, не только ради веселья, не для того лишь, чтобы у костров погреться и в игры поиграть — сегодня каждый рассчитывает получить свою долю Коктейля. Бадья-то вот какая большая! Не на всякий праздник такую выносят.

Федька заставил себя успокоиться, унял дрожь.

— А чего я? Я ничего! — сказал он Вове и облизнул пересохшие губы.

3

Ивану Рыбникову не нравилась болтовня в строю охотников. Он недовольно покосился на товарищей, поднес палец к губам. Вова Самарский заметил его жест, кивнул, дернул за рукав низкорода Федьку.

На площади начиналась главная часть торжественной церемонии. Барабаны зарокотали громче, потом разом смолкли. И тут же Глава Совета простер руки и продолжил свою речь, напоминая о том, ради чего все здесь собрались:

— Раз в три года, в день, когда солнце стоит высоко, из вод выходит Ламия. Образ её ужасен, сила её неодолима, а утроба ненасытна. Раз в три года мы начинаем

Большую Охоту, чтобы усмирить голод вернувшегося зверя. Пришло время первой жертвы!

Борис поднял руки над головой. Барабанщики ударили в свои деревянные инструменты, выбивая новый ритм. Кое-кто в толпе начал пританцовывать. Но большинство зевак стояли смирно, вытягивали шеи, с нарастающим интересом и опаской глядя в сторону бревенчатого строения без окон, почти по самую крышу обложенного камнями. Скрип тяжелых ворот был слышен даже сквозь барабанный бой. Люди торопливо начали раздаваться в стороны, освобождая отмеченную белыми валунами тропинку, стараясь подальше отойти от ее края. Мальчишки засвистели, приветствуя выходящих из бревенчатого сарая людей.

Их было семеро.

Первым шел кузнец Рамиль — человек богатырского роста и сложения. Обеими руками он держал крепкую длинную слегу. За нее же держались Федор и Ян Шуховы — близнецы, вот уже пятый год подряд выигрывающие соревнования по борьбе на поясах: равных им соперников в деревне не было, поэтому они конкурировали только друг с другом.

Еще четыре человека — все крепкие, как на подбор, коренастые — пятились и отдувались, натягивая толстые веревки, свитые из лыка и пеньки. Посторонний зритель, не знающий местных обычаев, мог бы решить, что семь юных богатырей вытягивают из сарая здоровенного быка.

Только это был не бык.

Ужасный рев заставил толпу отпрянуть. Кто-то закричал, кто-то громко засмеялся, чтобы скрыть страх. Иступленно залаяли псы.

Из сарая, тяжело ступая похожими на колоды ногами, ворочая уродливой головой, вышел Сева Лодочник. Две-